

Александр Иванович МЕЛИХОВ,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0001-8987-713X

Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин

M-13913@mail.com

Юлия Владимировна КАПИТАНЕЦ,

кандидат юридических наук, доцент

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

заведующая кафедрой государственного и муниципального управления

gmi@rea.ru

Научная статья

УДК 342.9

ДОГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, история оперативно-разыскной деятельности, догосударственный период, первобытное общество, негласное обеспечение безопасности, скрытое наблюдение, агентурная работа.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В ходе исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, был проведен историко-правовой анализ происхождения оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) на догосударственном этапе развития общества. Рассмотрены существующие научные взгляды на генезис ОРД, обосновывается необходимость расширения парадигмы ее истории за пределы государственно-правовых рамок. *Методы.* Исследование основывалось на парадигмальном и историко-сравнительном методах, предполагающих анализ доктринальных источников, норм древнего права и социальных институтов первобытного общества. Применение данных методов позволило сопоставить современные принципы обеспечения безопасности с их праисторическими прототипами. *Результаты.* Деятельность по негласному познанию преступных и общественно опасных деяний членов общества прошла многовековой путь развития – от семейно-общинного и религиозного надзора до институционализированной государственной ОРД органов внутренних дел. Пробразом ОРД были универсальные формы человеческой активности, возникавшие стихийно в целях удовлетворения витальных потребностей самосохранения как отдельного человека, так и коллектива. В догосударственных условиях функции скрытого контроля выполнялись старшими поколениями, жрецами, носителями общинной власти, опирающимися на силу традиций и верований. Они осуществляли негласный надзор и собирали информацию об опасных замыслах и деяниях, чтобы предотвратить нанесение общине вреда. Впоследствии эти функции были постепенно переработаны и отданы сначала общенациональным религиозным институтам (церковный контроль и исповедь), а затем и государственным органам правопорядка.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение безопасности общества посредством негласного выявления и пресечения угроз имеет глубокие исторические корни: потребность в нем возникла задолго до появления государства. Традиционный взгляд состоит в том, что оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) возникла вместе с государственностью как ответ общества на преступления, которые не уда-

валось раскрыть гласными правовыми способами. Ученых, придерживающихся этой точки зрения, условно можно назвать «государственниками». Как правило, это представители военной школы и спецслужб, сосредоточенные на внешней и внутренней государственной безопасности [1]. Их подход к безопасности ориентирован на защиту государства от внешних врагов; методы, допустимые на войне или в противостоянии «своих» и

Aleksandr I. MELIKHOV,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0001-8987-713X

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines

M-13913@mail.com

Yulia V. KAPITANETS,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor

Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

Head of the Department of Public and Municipal Administration

gmu@rea.ru

PRE-STATE HISTORY OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

KEYWORDS. Operational investigative activities, history of operational investigative activities, pre-state period, primitive society, covert security, covert surveillance, informant work.

ANNOTATION. *Introduction.* In the course of the study, the results of which are presented in this article, a historical and legal analysis of the origin of operational investigative activity (hereinafter referred to as OIA) at the pre-state stage of society development was conducted. The existing scientific views on the genesis of OIA are considered, the need to expand the paradigm of its history beyond the state and legal framework is substantiated. *Methods.* The study was based on paradigmatic and historical-comparative methods, involving the analysis of doctrinal sources, norms of ancient law and social institutions of primitive society. The use of these methods made it possible to compare modern principles of security with their prehistoric prototypes. *Results.* The activity of secretly learning about criminal and socially dangerous acts of members of society has come a long way of development – from family-community and religious supervision to institutionalized state OIA of internal affairs agencies. The prototype of OIA were universal forms of human activity that arose spontaneously in order to satisfy the vital needs of self-preservation of both an individual and a team. In pre-state conditions, the functions of hidden control were performed by older generations, priests, and bearers of community power, relying on the power of traditions and beliefs. They carried out secret surveillance and collected information about dangerous plans and actions in order to prevent harm to the community. Subsequently, these functions were gradually reworked and given first to national religious institutions (church control and confession), and then to state law enforcement agencies.

«чужих», они рассматривают в качестве истоков ОРД. Внутри же самого общества применение подобных силовых методов воспринимается как угроза общественной безопасности и морали. Исторический опыт показывает, что подавление внутренних волнений военизированными средствами нередко приводило к социальным катастрофам [2, 3].

В то же время ряд исследователей, специализирующихся в сфере ОРД и полицейского права, выдвигают гипотезу о более древнем происхождении ОРД, связывая его с догосударственным периодом развития общества [4]. По их мнению, задолго до появления государственных институтов функции по негласному обеспечению внутреннего порядка выполняло само общество – через семейные, общинные и религиозные механизмы [5]. Цель такой деятельности у догосударственных общин была такой же, как и у государства, – защита общества от угроз. Однако сферы ответственности и характер самих угроз отличались от государственных: опасность исходила по большей части от членов собственного коллектива, а не от внешнего врага, и нейтрализовались силами самих общин.

Существует и третья точка зрения, согласно которой ОРД следует рассматривать исключительно как правовой институт, появившийся вместе с возникновением права. Сторонники этого подхода, воспринимаящие ОРД как вид юридической деятельности, значительно укорачивают ее историю, фактически игнорируя доправовые формы скрытого надзора [6]. Узко юридический подход,

связывающий зарождение ОРД лишь с появлением письменного закона, не учитывает накопленный человечеством опыт внекодифицированных способов обеспечения безопасности.

Результаты анализа научных позиций показывают обоснованность всех трех подходов, поскольку каждый из них акцентирует внимание на разных аспектах безопасности. Тем не менее традиционная государственно-правовая парадигма не охватывает всего многообразия исторических форм ОРД. С учетом современных представлений о национальной безопасности представляется необходимым расширить историко-правовую перспективу изучения ОРД. Проведенное нами исследование имело целью сформулировать обоснование необходимости включения в историю ОРД догосударственного (общинного) и религиозного этапов ее эволюции.

МЕТОДЫ

В качестве методологической основы исследования был выбран парадигмальный подход, предложенный А.Е. Шарихиным [7]. Данный подход предполагает изучение истории ОРД через призмe сменяющих друг друга парадигм – целостных моделей понимания целей, задач и средств деятельности на разных этапах истории. Так, можно говорить о сыскной парадигме дореволюционной России, об оперативно-разыскной парадигме советского периода и о новой парадигме, формирующейся в последние десятилетия. Парадигмальный метод позволяет лучше систематизировать исторический материал, чем простое разделение

истории ОРД на хронологические отрезки. Однако и он нуждается в дополнении. Существующие парадигмы неполны без учета догосударственного и религиозного опыта обеспечения безопасности. Поэтому представляется оправданным говорить о **догосударственной парадигме** ОРД, предшествовавшей появлению государственных органов сыска, а также о **религиозной парадигме**, в рамках которой функции негласного надзора осуществлялись через институты верований и культов. Включение этих элементов в парадигмальную модель позволяет увидеть, как постепенно формировались принципы и приемы ОРД задолго до их институционализации в государстве.

Помимо парадигмального подхода, применялся исторический метод исследования, основанный на поиске прообразов современных методов ОРД в деятельности различных социальных институтов прошлого. Традиционно историко-правовые исследования ОРД ограничиваются изучением законодательства и деятельности государственных органов розыска. Это зачастую приводит к отождествлению истории ОРД исключительно с историей уголовного сыска в государстве, тогда как вне поля зрения остаются внеправовые средства обеспечения порядка. Нормативные источники Древней Руси фиксировали, например, такие институты, как «свод» и «гонение следа», которые можно рассматривать как прототипы розыскных действий [8]. Однако нормы, закрепленные в договорных правилах отношений между общинами и в обычаях, касались преимущественно межобщинной безопасности. Они представляли собой способы коллективной самопомощи соседских общин и позволяли активно привлекать к розыску большую часть членов общины, осуществлять поиск и изобличение преступника без участия государственной власти. Формальное правило тех времен гласило: «Куда приведет след, там и находится преступник». Это правило древнего общинного права позволило значительно повысить эффективность розыска преступников путем общинной мобилизации. В то же время внутренние, внутриобщинные угрозы порядку исторически регулировались обычаями и негласным надзором внутри самого коллектива. Таким образом, одно лишь изучение нормативных памятников (таких как Русская Правда) не дает полного представления об истоках ОРД, поскольку значительная часть практики обеспечения безопасности закрытого общинного общества осуществлялась вне рамок писаного закона.

Таким образом, методологическую базу нашего исследования составили: 1) парадигмальный метод (был востребован для концептуализации этапов развития ОРД); 2) историко-сравнительный анализ (применялся в отношении догосударственных, религиозных и государственных форм негласной деятельности); 3) институциональный подход (ОРД рассматривалась как социальный институт, возникший в ответ на потребность общества ограничить насилие и энтропию общественных отношений). В связи с последним необходимо обратить внимание на учение Д. Нортона о типологиях социальных порядков, в частности о механиз-

мах ограничения насилия в разных типах обществ [9, с. 59]. Применяя его методологию, можно представлять ОРД как институт, призванный ограничивать насилие в различных его проявлениях на разных стадиях развития общества. В архаических сообществах такой институт имел внесударственный характер, будучи встроенным в структуру самоорганизации рода или племени.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Догосударственные институты негласного обеспечения безопасности. Первобытное общество: внешняя и внутренняя безопасность.

Задача обеспечения безопасности коллектива возникла задолго до появления первых государств, еще в условиях первобытнообщинного строя. Уже на ранних ступенях развития человеческого общества можно выделить два аспекта категории «безопасность»: внешняя безопасность – защита от нападения чужаков, соседних племен – и внутренняя безопасность – поддержание порядка среди членов собственной общины, обеспечение их выживания, разрешение внутренних конфликтов. Если для обеспечения внешней безопасности первобытные люди выработали коллективные оборонительные меры, то для поддержания внутренней безопасности начали применять методы, по сути, представляющие собой ранние формы ОРД. В небольших замкнутых сообществах (родовых общинах) появлялась потребность незаметно узнавать о скрытых замыслах соплеменников, способных навредить коллективу – будь то хищение, нарушение табу или иной опасный поступок.

Ведущий российский криминолог Ю.М. Антонын справедливо отмечал, что первобытная культура – это наследство, от которого человечество никогда не избавится, поскольку личность формировалась в филогенезе именно в условиях первобытного социума [10, с. 56]. Иными словами, многие современные государственно-правовые институты, включая национальную безопасность, ОРД и уголовный процесс, имеют корни в первобытной эпохе. Впервые стремление общества узнать тайные замыслы нарушителя и предотвратить зло проявилось не в кабинете следователя и не в канцелярии жандармерии, а у костра родовой общины.

«Закрытое» и «открытое» общество: информация и контроль. Характер негласного контроля существенно различался в традиционных и более развитых социальных системах. Л.Н. Гумилев разделял социальные системы на закрытые (традиционные) и открытые. Он писал: «В чем разница между этносами-изолятами и этносами, развивающимися бурно? В системах реликтовых этносов нет борьбы между членами этноса, а если и случается соперничество, то оно не влечет гибели проигравшего. Преследуются только нововведения, которых, как правило, не хочет никто. Но если так, то естественный отбор, один из факторов эволюции, затухает. Остается этноландшафтное равновесие, на фоне которого возможен только социальный прогресс или регресс. Но в сложных и трудных условиях реадaptации и смены стереотипа поведения естественный отбор возникает снова, и сформированная им популяция либо

погибает, либо становится новым этносом» [11, с. 498]. Первобытная родовая община представляет собой типичное закрытое общество. В таких коллективах практически отсутствует приватность: человек постоянно находится под наблюдением семьи, соседей, старейшин; все его проявления – и внешние поступки, и даже эмоциональные реакции – находятся на виду. По сути, в закрытом обществе содержание внутреннего мира человека не является тайной для его окружения. Индивид живет в условиях прозрачности: несколько поколений родственников и соплеменников, совместный быт, коллективный труд и обряды – всё это создает эффект полной взаимной осведомленности. Поэтому скрыть в традиционной общине свои страхи, агрессию или преступные умыслы чрезвычайно сложно. Они рано или поздно проявляются, и окружающие замечают их.

Напротив, открытое общество городского типа, зародившееся с усложнением социальной структуры, предполагает обособление личности. Городской житель уже не окружен плотным кольцом родственников и односельчан, он в значительной мере анонимен для окружающих. Возникает феномен частной жизни, закрытой от посторонних, – то, что мы называем личным пространством. Именно в условиях открытого общества появляется необходимость в специальном институте, который занимался бы негласным познанием тайных замыслов индивидов, вышедших из-под контроля традиционных социальных связей. Исторически таким институтом и стал государственный сыск (прообраз современной ОРД), возникший в древних городских цивилизациях как ответ на невозможность тотального общественного контроля, который имел место в сельской общине. Иными словами, государственная розыскная система в городах появилась во многом потому, что люди, покинув традиционную деревню, оказались вне поля зрения семьи и общины, что создало пространство для тайной преступной деятельности.

Информационная среда закрытого общества заметно отличается от той, которая существовала в обществе открытом. В замкнутой аграрной общине большинство ее членов обладает цельным и общим мировоззрением, разделяет единые ценности и нормы (в том числе касающиеся обеспечения безопасности). Знания и опыт передаются из поколения в поколение, охватывая все основные стороны жизни. Такой коллективный опыт позволяет общине в известной мере прогнозировать поведение каждого ее члена и предотвращать опасности: ведь все возможные отклонения от нормы тоже хорошо известны. В открытом же обществе (условно говоря, в городе) мышление людей фрагментарно: узкая специализация труда, разрыв семейных и общинных связей, культурное разнообразие – всё это приводит к тому, что поведение личности становится менее предсказуемым для окружающих. Ответственность за индивидуальное выживание и безопасность в традиционной деревне во многом лежала на самом человеке (под бдительным оком семьи и общины). В городе же значительная доля этой ответственности пере-

кладывается на специализированные институты: стражу порядка, полицию, государство в целом.

Человеческие сообщества на протяжении большей части истории оставались замкнутыми системами. В них сложились свои нормы морали, продиктованные тесными узами между людьми, и свои методы управления энтропийными процессами [12], то есть методы предотвращения распада и хаоса в коллективе. Эти методы существенно отличались от тех, которые позже сформировались в открытых обществах. Главные условия выживания традиционного общества – его сплоченность и иерархичность. Соблюдение установленной иерархии (подчинение младших старшим, уважение к вождям и жрецам) было залогом стабильности. Нарушение иерархических устоев воспринималось как прямая угроза коллективной безопасности. Недаром во многих архаичных обществах одно из тяжелейших «преступлений» – неуважение или оскорбление вождя, старейшины, шамана. Дискредитация лидера могла подорвать доверие к институтам власти и привести к распаду общины. Поэтому, как правило, посягательства на устои власти и традиции сурово наказывались.

Многие действия членов общины, предпринимавшиеся во имя ее выживания, с современной точки зрения выглядят как акты насилия или правонарушения. Например, практиковались насильственное перераспределение ресурсов, жестокие наказания молодых членов рода за проступки и т.п. С позиций личности эти действия аморальны, однако в условиях общины они считались необходимыми и были строго регламентированы обычаями. По сути, община допускала некоторые коллективные формы насилия против отдельных своих членов, чтобы пресечь их эгоистичные или опасные наклонности и тем самым сохранить стабильность группы. Ю.М. Антонян точно подметил: «Первобытная религия ... есть мера предосторожности против опасности, которой подвергаются, как только начинают думать, – опасности думать только о себе» [10]. Иными словами, многие первобытные обряды и нормы преследовали цель подавить чрезмерный индивидуализм как угрозу коллективу. В этом проявлялась первичная форма негласного контроля – через мораль, традицию и страх перед осуждением сверхъестественных сил.

Религиозные основы негласного контроля. Универсальным механизмом обеспечения порядка в догосударственных обществах были институты веры: тотемы, табу, культы предков, шаманизм. Религиозные практики играли двойную роль. С одной стороны, они сплачивали общину, формируя единые ценности и запреты. С другой – позволяли осуществлять негласный надзор за поведением членов общины, завуалированный под исполнение религиозных обрядов. Шаман, колдун, жрец в традиционном обществе был не только духовным лидером, но и своеобразным «оперативником», обладающим тайными знаниями о людях, что подтверждается исследованиями в области этнологии, культурной и социальной антропологии. Так, по мнению Т.А. Ондар, «в сознании и глубинной психологии народов, исповедующих шаманизм, шаман – это человек,

наделенный сверхъестественными способностями общения с миром духов, выполняющий ряд духовно-практических функций, необходимых роду, племени. К ним относятся: объяснение причинно-следственных связей происходящих событий, в том числе и психологического плана, предсказание будущего, исцеление и нанесение вреда человеку, сопровождение души умершего в потусторонний мир, защита членов своего рода от несчастий, стихийных бедствий, поиск пропавших людей, скота, вещей и т.д.» [13]. А.Ф. Анисимов обращает особое внимание на реализацию шаманом функции, связанной с поддержанием внутренней безопасности в обществе: «Шаман обеспечивает также защиту этноцентра. Он обносит территорию, где живет этнос особой невидимой оградой, которая проходит по речкам, холмам, полянам и чащам. Эта ограда называется «марылья» и препятствует тому, чтобы злые духи проникли на территорию этноса и нарушили его равновесие. В этом шаману помогают духи-птицы, духи-звери, духи-рыбы, духи земли. Они строят ограду этноцентра сквозь все стихии, реорганизуя священные слои космоса» [14, с. 213].

Благодаря ореолу сверхъестественной силы шаман мог получать информацию, недоступную другим, и влиять на поведение соплеменников. При этом его наблюдения за ежедневной жизнью общины и отдельными личностями были скрыты под видом религиозных ритуалов. Например, распространяемая в примитивных культурах практика принесения жертв, гаданий, общения с духами фактически давала возможность шаману незаметно выяснять, кто из членов общины нарушил табу или замысливает недоброе. Магические обряды были прикрытием для сбора разведывательной информации внутри общины.

Важно отметить, что религиозные инструменты негласного управления имели региональные особенности. В южных земледельческих цивилизациях, возникших в регионах с мягким климатом (например в Европе, на Ближнем Востоке), появление избыточного продукта и специализация труда позволяли части членов общины (старикам, немощным, жрецам) не участвовать напрямую в добычании пропитания. Эти люди располагали свободным временем, которое могли посвятить наблюдению за соплеменниками и проведению обрядов. Постепенно их житейский опыт и проницательность институционализировались: вокруг них сложился ореол мудрости и святости, их суждения о поведении других приобрели вес. Так формировался институт старейшин и жрецов, фактически осуществлявших негласный надзор. В северных же обществах, где выживание требовало от каждого длительного напряжения (например на Крайнем Севере), шаманы обычно жили отдельно, вдали от поселений, что само по себе делало их повседневность таинственной для окружающих. Они периодически появлялись среди людей для совершения обрядов и прорицаний, благодаря чему собирали сведения о жизни общины. Их отрешенный образ жизни создавал видимость того, что они пребывают в общении с

духами, тогда как практически позволял им отстраненно наблюдать за общиной.

Религиозное мировоззрение архаичного человека облегчало поддержание порядка. Любое несчастье объяснялось гневом духов за нарушение табу. Поэтому члены общины сами были заинтересованы в том, чтобы обнаружить нарушителя скрытых запретов, иначе общину постигнет наказание свыше. Шаман выступал арбитром: через него якобы духи сообщали, кто виновен. Этот механизм выполнял одновременно функции расследования и суда. Так, если преступление, например убийство, оставалось нераскрытым, шаман мог объявить, что дух погибшего указал ему на виновника, и община верила этому откровению. Очевидно, что в действительности шаман опирался на информацию, полученную от людей (своих «осведомителей») негласно, или на результаты собственных наблюдений. Но легенда о вещем духе придавала оглашенным сведениям неоспоримый характер. Таким путем поддерживалась иллюзия неизбежности изобличения в совершении тайного преступления. Страх перед всевидящими духами дисциплинировал членов общины: понимание того, что о любом злодеянии может стать известно через «волю богов», предотвращало многие нарушения правил и обычаев.

С течением времени сложился целый арсенал религиозных практик, служивших инструментами негласного контроля. Примеры можно найти во множестве культур. Миф о всепроникающем взгляде мертвых предков, которые наблюдают за живыми и могут донести о проступках, существовал практически у всех народов. Институт «загробного суда» позволял общине, через посредничество шаманов, объявлять волю предков и требовать от членов рода того или иного поведения. По сути, «мнение» умерших старейшин было способом внушить современникам моральные нормы: предки одобряют или осуждают твой поступок. Неподчинение такой «воле предков» грозило страшными карами (болезнями, неудачами), что побуждало людей добровольно следовать предписаниям. Вместе с тем обращение к духам предков служило средством получения от самих людей нужной информации. Например, при расследовании убийства шаман мог инсценировать беседу с духом убитого, который через него называет имя убийцы. Потрясенные суеверным ужасом люди принимали это как истину, а виновный, полагая, что его тайна раскрыта сверхъестественным путем, нередко сознавался сам. Фактически же шаман мог получить сведения от случайных очевидцев или путем логического анализа улик, но предъявлял результат как «глас мертвеца». Подобное легендирование источников информации – классический прием негласной работы, известный и современной ОРД [15, с. 29].

Следует подчеркнуть, что шаманизм и колдовство как институциональные формы скрытой власти были распространены не повсеместно. Например, в культуре восточных славян (предков русских) шаманские практики не заняли доминирующего положения. Климатические условия с продолжительными зимами способствовали тому,

что у крестьян появлялось много свободного времени, которое они могли проводить в семейном кругу. В течение долгих зимних вечеров происходила передача жизненного опыта от старших к младшим, шло постоянное негласное воспитание и наблюдение за поведением детей и молодежи. Это развивало у членов общины навыки внимательности, умения «читать» психологическое состояние близких. В российской ментальности исторически укоренилась черта, нередко отмечаемая иностранцами: склонность негласно наблюдать за окружающими из чувства любопытства и осторожности. Гость из открытого западного общества, оказавшийся в традиционной русской деревне, мог испытывать ощущение, что за ним скрытно следят все вокруг – настолько пристально и осознанно люди интересовались поведением постороннего. Таким образом, на русском Севере и в средней полосе роль шаманов как профессиональных наблюдателей была менее значима. Функцию социального контроля во многом исполняла сама община посредством неформального наблюдения каждого за каждым. В южных же сообществах (а также у кочевых народов Крайнего Севера) свободное время и специальные «наблюдатели» были доступны лишь небольшой группе людей (шаманам, жрецам), поэтому там институты религиозного надзора развились сильнее.

Семейный, соседский и общинный контроль.

В русской традиционной деревне, являющей собой один из наиболее ярких примеров закрытого общества, исторически сложилась эффективная система коллективной безопасности. Как отмечают исследователи, для дореволюционной деревни в мирное время было обычно состояние «полной безопасности и душевного покоя» [16, с. 52]. Это свидетельствует о действенности существовавших механизмов поддержания порядка, к числу которых относились: общая система ценностей и верований, общественный (в том числе самосудный) контроль за правонарушителями, гласный и негласный внутрисемейный надзор, контроль со стороны старшего поколения, а также вера в надзор высших сил.

Можно вести речь о нескольких основных субъектах негласного контроля в традиционном обществе: во-первых, семья – родители, старшие родственники, следившие за повседневным поведением младших; во-вторых, соседи – ближайшее окружение, не связанное родственными узами, но постоянно присутствующее в жизни индивида и готовое пресечь отклонения; в-третьих, старейшины – наиболее уважаемые и опытные члены общины, чье мнение имело решающее значение, осведомленные обо всех происходящих событиях; в-четвертых, «высшие силы» – религиозный контроль, осуществлявшийся как бы извне (через институты шамана, священника, духов предков). Л. Леви-Брюль писал: «Тот, кто вольно или невольно нарушает правила, ломает соглашение с невидимыми силами и, следовательно, подвергает опасности само существование всей общественной группы, ибо именно эти невидимые силы могут в любой момент обречь людей на смерть от голода, болезни, холода или чего-нибудь другого» [17, с. 35].

Последний из описанных выше видов контроля являлся продолжением первых трех, просто легитимировался в форме веры: через страх божьего наказания или духовного возмездия община стремилась удержать нестабильных членов коллектива от сокрытия порочных замыслов.

Внутри этой системы можно условно выделить наблюдение за внешней повседневностью человека и контроль за его внутренним миром. Негласное наблюдение за внешними сторонами жизни – кто куда ходит, с кем общается, чем занимается – осуществлялось естественным образом семьей и соседями. Оно носило открытый характер (все на виду), но оставалось негласным для того, за кем наблюдали, поскольку не всегда осознавалось им как контроль. Что же касается внутреннего мира – мыслей, чувств, мотивов, – то его человек стремился скрыть, опасаясь осуждения. В традиционной культуре существовал ряд механизмов, позволявших преодолеть эту скрытность.

Психологической особенностью человека является потребность поделиться сокровенным, получить оценку со стороны. Но в малой общине публичное обнажение своего внутреннего мира рискованно и нежелательно, так как нарушает устоявшиеся роли и может подорвать семейный уклад. Поэтому в закрытых обществах удовлетворение этой потребности происходило либо через доверенное лицо вне круга близкого родства (например крестного, духовника), либо через институционализированный ритуал исповеди. Христианское таинство покаяния, введенное в церковную практику, по сути, является великолепно продуманным институтом раскрытия внутренних тайников души индивида перед специально уполномоченным лицом – священником. В православной традиции исповедь дополнилась институтом духовного отца – старца-наставника, которому верующий добровольно раскрывает свои помыслы и греховные склонности, получая совет и отпущение грехов [18, с. 141]. Этот религиозный институт решал две задачи: с одной стороны, духовник через доверительную беседу получал сведения о потенциально опасных помыслах, обидах, конфликтах, назревающих у прихожанина; с другой – такое общение позволяло дать выход эмоциональному напряжению, предупреждая тем самым совершение реального преступления. По сути, церковь взяла на себя функцию безопасного «проветривания» внутреннего мира человека, необходимого для предотвращения скопления деструктивной энергии. Здесь мы видим истоки современных институтов профилактической беседы, психологического консультирования и т.д., но в то же время и прообраз приемов агентурной работы, когда доверенное лицо (священник) становится хранителем информации о тайных мотивах членов общества. Конечно, священнослужитель не должен был разглашать тайну исповеди, но даже сам факт существования такой практики имел превентивное значение: человек знает, что может излить душу и получить наставление, а значит, не пойдет самоуправно решать проблему преступным путем [19]. Да и осознание того, что твои тайные грехи известны духовнику

и через него – Богу, само по себе дисциплинировало верующего.

Итак, уже на ранних этапах существования человеческого общества можно обнаружить психологические и социальные основы ключевых методов современной ОРД: скрытого наблюдения (наружного надзора) и агентурной работы. Негласное наблюдение реализовывалось в общине через повседневный присмотр и неформальный контроль поведения, а агентурная деятельность – через доверенных лиц (шаманов, старейшин, духовников), которым сообщались тайные сведения.

С исторической точки зрения система обеспечения безопасности перечисленными внутриобщинными методами была, вероятно, оптимальной для условий замкнутого человеческого коллектива. По данным современных биологических исследований, естественный отбор в древности происходил преимущественно на уровне групп (родов, племен), а не индивидуумов [20]. Выживали и передавали свои ценности дальше те группы, в которых эффективно действовали механизмы коллективного самосохранения. Племена и общины, сумевшие выработать устойчивые институты выявления и подавления внутренних угроз, продолжали развиваться, тогда как менее организованные – исчезали. Это эволюционное преимущество подчеркивает, что методы обеспечения безопасности, сложившиеся в первобытную эпоху, заслуживают внимания и в наши дни. Конечно, прямое перенесение архаичных практик в современное общество невозможно, но понимание их сути помогает обогатить теорию ОРД.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность по негласному познанию преступных и общественно опасных тайн членов общества прошла многовековой путь развития – от семейно-общинного и религиозного надзора до институционализированной государственной ОРД органов внутренних дел. Последняя является «объективно необходимой, научно обоснованной деятельностью во благо общества» [21, с. 4]. Ее прообразом были универсальные формы человеческой активности, создававшиеся стихийно в

целях удовлетворения витальных потребностей самосохранения как отдельного индивида, так и коллектива. В догосударственных условиях функции скрытого контроля выполнялись старшими поколениями, жрецами, носителями общинной власти, опирающимися на силу традиций и верований. Они осуществляли негласный надзор и собирали информацию об опасных замыслах и деяниях, чтобы предотвратить вред общине. Впоследствии эти функции были постепенно переработаны, а их исполнение взяли на себя сначала общенациональные религиозные институты (церковный контроль и исповедь), а затем государственные органы правопорядка.

История свидетельствует, что ОРД как социальное явление зародилась задолго до формирования полиции и спецслужб. Она носит универсальный характер, поскольку удовлетворяет базовую потребность общества – потребность в безопасности, в защите от деструктивных сил, таящихся внутри самого общества. Элементы ОРД – наблюдение, разведка, привлечение осведомителей – эволюционно встроены в социальную практику человечества. Их наличие отмечается на всех этапах истории, хотя они и принимали разные организационные формы. Осознание данного обстоятельства позволяет по-новому взглянуть на современную ОРД: не только как на правовую инструмент раскрытия преступлений, но и как на сложный социальный институт, выполняющий функцию первичного регулирования общественных отношений в сферах, не охваченных прямым действием права. Органы, осуществляющие ОРД, противостоят тем проявлениям энтропии (хаоса) в обществе, которые не успевают своевременно сдерживать правовая система, а потому играют важнейшую роль в обеспечении национальной безопасности. Включение догосударственной и вне-нормативной перспективы в исследование ОРД обогащает ее теорию и помогает вырабатывать более эффективные стратегии противодействия современным угрозам, учитывающие глубинные, антропологически обусловленные аспекты человеческого поведения. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жаров С.Н. История оперативно-розыскной деятельности и ее правового регулирования в России (XI - начало XX вв.): Монография. Челябинск: Изд-во Т. Лурье, 2008. 375 с.
2. Шульц Э.Э. Сирия: к пониманию причин гражданской войны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 29 (266). С. 35-42.
3. Bell S.R., Murdie A. The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework // Conflict Management and Peace Science. 2018. Vol. 35. № 4. P. 336-354.
4. Омеляненко М.Е. Участие населения в отправлении правосудия по Русской Правде // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 3 (42). С. 151-162.
5. Румянцев Н.В., Мальчук О.И. Развитие оперативно-розыскной деятельности с древних времен до XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 3 (742). С. 177-186.
6. Куклин Д.В. Исторический аспект становления и развития оперативно-розыскной деятельности в России: задачи, основания и средства // Studia Humanitatis. 2023. № 4.
7. Шарихин А.Е. Парадигмы оперативно-розыскной деятельности и их влияние на формирование системы обеспечения экономической и общественной безопасности страны // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 63-67.
8. Матиенко Т.Л. Генезис и значение термина «сыск» в русском праве XI-XVII вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 40-43.

9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М., 2011. 480 с.
10. Антонян Ю.М. Преступность в первобытном обществе // Научный портал МВД России. 2010. № 3 (11). С. 55-59.
11. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. 512 с.
12. Мелихов А.И. Энтропийная преступность как угроза национальной безопасности // Юрист-Правовед. 2022. № 2 (101). С. 150-156.
13. Ондар Т.А. Социально-психологический анализ терминов «шаманство», «шаманизм» и «неошаманизм» // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2009. № 1 (1). С. 96-101.
14. Анисимов А.Ф. Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки шаманства // Сборник музея антропологии и этнографии. 1951. Т. 13. С. 187-215.
15. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
16. Бердинских В.А. Русская деревня: быт и нравы. М.: Ломоносовъ, 2022. 272 с.
17. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / пер. с франц. Б.И. Шаревской. М.: Академический проект, 2020. 428 с.
18. Домострой / изд. подгот.: В.В. Колесов, В.В. Рождественская; 3-е изд. СПб: Наука, 2007. 399 с.
19. Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Привлечение к конфиденциальному содействию священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений: ограничения и запреты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С. 91-98.
20. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству / пер. с англ. А. Чечиной. М.: Эксмо, 2013. 332 с.
21. Соловей Ю.П. О совершенствовании законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омский юридический институт, 2010. С. 3-8.

REFERENCES

1. Zharov S.N. Istoriya operativno-rozysknoy deyatel'nosti i yeye pravovogo regulirovaniya v Rossii (XI - nachalo XX vv.): Monografiya. Chelyabinsk: Izd-vo T. Lur'ye, 2008. 375 s.
2. Shul'ts E.E. Siriya: k ponimaniyu prichin grazhdanskoy voyny // Natsional'nyye interesy: prioritye i bezopasnost'. 2014. T. 10. № 29 (266). S. 35-42.
3. Bell S.R., Murdie A. The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework // Conflict Management and Peace Science. 2018. Vol. 35. № 4. P. 336-354.
4. Omel'yanenko M.Ye. Uchastiye naseleniya v otpravlenii pravosudiya po Russkoy Pravde // Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2018. T. 10. № 3 (42). S. 151-162.
5. Rumyantsev N.V., Mal'chuk O.I. Razvitiye operativno-rozysknoy deyatel'nosti s drevnikh vremen do XX veka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki. 2016. № 3 (742). S. 177-186.
6. Kuklin D.V. Istoricheskiy aspekt stanovleniya i razvitiya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v Rossii: zadachi, osnovaniya i sredstva // Studia Humanitatis. 2023. № 4.
7. Sharikhin A.Ye. Paradigmy operativno-rozysknoy deyatel'nosti i ikh vliyanie na formirovaniye sistemy obespecheniya ekonomicheskoy i obshchestvennoy bezopasnosti strany // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2017. № 4. S. 63-67.
8. Mатиенко Т.Л. Genezis i znachenіye termina «sysk» v russkom prave XI-XVII vv. // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2008. № 10. S. 40-43.
9. Nort D., Uollis D., Vayngast B. Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva / per. s angl. D. Uzlanera, M. Markova, D. Raskova, A. Raskovoy. M., 2011. 480 s.
10. Antonyan Yu.M. Prestupnost' v pervobytnom obshchestve // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2010. № 3 (11). S. 55-59.
11. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. M., 1993. 512 s.
12. Melikhov A.I. Entropiynaya prestupnost' kak ugroza natsional'noy bezopasnosti // Yurist"-Pravoved". 2022. № 2 (101). S. 150-156.
13. Ondar T.A. Sotsial'no-psikhologicheskiy analiz terminov «shamanstvo», «shamanizm» i «neoshamanizm» // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki. 2009. № 1 (1). S. 96-101.
14. Anisimov A.F. Shamanskiye dukhi po vovzreniyam evenkov i totemicheskiye istoki shamanstva // Sbornik muzeya antropologii i etnografii. 1951. T. 13. S. 187-215.

15. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vklyuchennykh v ponyatiyny apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
16. Berdinskikh V.A. Russkaya derevnya: byt i nray. M.: Lomonosov", 2022. 272 s.
17. Levi-Bryul' L. Sverkh"yestestvennoye v pervobytnom myshlenii / per. s frants. B.I. Sharevskoy. M.: Akademicheskiiy proyekt, 2020. 428 s.
18. Domostroy / izd. podgot.: V.V. Kolesov, V.V. Rozhdestvenskaya; 3-ye izd. SPb: Nauka, 2007. 399 s.
19. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. Privlecheniye k konfidentsial'nomu sodeystviyu svyashchennosluzhiteley i polnomochnykh predstaviteley ofitsial'no zaregistrirovannykh religioznykh ob"yedineniy: ograniчениya i zaprety // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2013. № 2 (25). S. 91-98.
20. Ridli M. Proiskhozhdeniye al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu / per. s angl. A. Chechinoy. M.: Eksmo, 2013. 332 s.
21. Solovey Yu.P. O sovershenstvovanii zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii // 15 let Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti». Sbornik materialov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Omsk: Omskiy yuridicheskiiy institut, 2010. S. 3-8.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Мелихов А.И., Капитанец Ю.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мелихов А.И., Капитанец Ю.В. Догосударственная история оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 111-119.